

Глава 1

В августе над городом Б ещё не смолкли цикады. Старый особняк семьи Цзи, расположенный на полпути к вершине горы, утопал в блеске огней и винных ароматах.

Сегодня был знаменательный день — помолвка, скрепившая союз семей Цзи и Е. Поздравить молодых господ с этим событием прибыли все сколько-нибудь значимые фигуры делового мира города Б, лично вручая свои дары.

Гу Чжэнцин был в их числе. Строгий костюм сидел на нём безупречно, а очки в тонкой золотой оправе придавали образу нотку сдержанной элегантности.

Официант, разносивший вино, кажется, оступился. Его тело качнулось, и два бокала с красным вином, стоявшие на подносе, опрокинулись прямо на рукав гостя.

Алая жидкость стекала по ткани, оставляя на коже под ней липкое, влажное ощущение. Гу Чжэнцин опустил взгляд и тихо усмехнулся — усмешкой, холодной, как зимний лёд.

— Дважды я увернулся. От третьего раза уйти не удалось.

В одно мгновение лицо официанта залилось густым румянцем.

— Простите, господин Гу, простите, я...

Он хотел сказать, что это вышло случайно, но слова мужчины о двух предыдущих попытках лишили всякое оправдание смысла. Слухи о том, что глава корпорации «Гу» злопамятен и мстителен, что за малейшую оплошность он способен стереть человека в порошок, пронеслись в голове юноши. Багровый румянец на его щеках сменился мертвенной бледностью.

Гу Чжэнцин не догадывался, что в воображении официанта его уже скормили рыбам, не оставив от тела и следа. Он лишь указал на испачканный рукав подошедшему собеседнику и, извинившись, прервал разговор.

— Проводи, — бросил он официанту.

Тот, очнувшись, поспешно закивал:

— Благодарю, господин Гу, благодарю вас.

В высшем свете города Б не было человека, который не знал бы Гу Чжэнцина. Не только потому, что он был главой могущественной корпорации, но и потому, что он был Бетой.

Бетой, что в их кругах считалось синонимом вырождения рода.

Если в семье оставался не единственный наследник-Бета, то управление делами скорее доверили бы Омеге. Однако в семье Гу он и впрямь был последним. Двенадцать лет назад страшная автокатастрофа унесла жизни его родителей. Дед, узнав о трагедии, потерял сознание и, несмотря на все усилия врачей, скончался.

Гу Чжэнцину тогда было восемнадцать. В одну ночь его мир рухнул. От счастливой семьи остались лишь он да приёмная сестра, которую взяли в дом ещё в детстве.

Корпорация «Гу» оказалась на грани хаоса. В мутной воде старые лисы уже потирали руки, готовясь урвать свой кусок. Никто не ожидал, что этот восемнадцатилетний юноша, который, по всеобщему мнению, должен был утопать в горе, нанесёт ответный удар с поистине сокрушительной силой. Вернее, никто не ожидал, что это произойдёт так скоро — его родные ещё даже не были похоронены.

Два года корпорацию лихорадило. Гу Чжэнцин, не признавая ни родства, ни былых заслуг, безжалостно избавлялся от стервятников. За это время он упрятал за решётку больше дюжины человек, некоторые из которых не вышли на свободу до сих пор.

За спиной многие называли его бессердечным, но в лицо каждый с подобострастной улыбкой обращался «господин Гу».

Поднимаясь по винтовой лестнице, он оставлял за собой тихий шёпот пересудов, заполнивший главный зал.

— Господин Гу, это гардеробная для почётных гостей. Одежда уже подготовлена, — с трепетом в голосе произнёс официант.

Гу Чжэнцин толкнул позолоченную дверь и, убедившись, что внутри никого нет, коротко хмыкнул. Он шагнул в круг света, отбрасываемого хрустальной люстрой, и проверил размер костюма.

Его размер.

Мужчина знал, кто стоит за этим. Знал, кто, желая встречи, мог прибегнуть лишь к такому незамысловатому трюку.

Цзи Хаоюй, один из виновников сегодняшнего торжества, молодой господин семьи Цзи, пробыл рядом с Гу Чжэнцином три года.

Можно сказать, они встречались всё это время.

Официант, затаив дыхание, вышел и прикрыл за собой дверь. Мужчина снял пиджак и бросил его в сторону. Тёмная ткань скрывала пятна, но теперь, на белоснежной рубашке, они проявились во всей красе — половина рукава была залита вином.

Он начал расстёгивать пуговицы одну за другой. Когда его пальцы коснулись третьей, раздался тихий щелчок — дверь гардеробной открылась снаружи.

Гу Чжэнцин, глядя в зеркало на вошедшего, замер.

— Брат Цин, — произнёс тот, одетый в элегантный фрак. Его взгляд был полон нежности.

Даже за стёклами очков в глазах хозяина корпорации читалось ледяное безразличие.

— В семье Цзи, похоже, серьёзные проблемы с воспитанием. Неужели вас даже не научили стучать в дверь?

Цзи Хаоюй схватил его за запястье, перепачканное вином, и взмолился:

— Брат Цин, я люблю тебя. Наш с Е Сюанем союз — это всего лишь сделка, каждый из нас преследует свои цели. Я не предавал тебя. Прошу, не будь со мной так холоден, я не вынесу этого.

Гу Чжэнцин обдумал услышанное и с сомнением уточнил:

— То есть, ты предлагаешь мне вот что: вы с Е Сюанем вступаете в помолвку, затем женитесь, а я стану твоим любовником? Третьим лишним?

Слова прозвучали слишком прямо, и лицо молодого человека поочерёдно то бледнело, то краснело.

— Брат Цин, не говори так о наших чувствах. Я люблю тебя, ты же знаешь. Я — Альфа, и я позволил тебе обладать мной. Разве это не доказывает мою любовь?

Он был Альфой, а Гу Чжэнцин — всего лишь Бетой.

После двадцати двух лет в жизни главы корпорации почти всегда кто-то был. Даже если случались перерывы, они длились не больше нескольких месяцев. Его принцип — не заводить романов с близкими. Цзи Хаоюй был младше на пять лет, и Гу Чжэнцин всегда относился к нему как к младшему брату. Кто бы мог подумать, что тот вспыхнет к нему страстью и однажды ночью, скрыв лицо под маской, заберётся в его постель, воспользовавшись опьянением.

Они были вместе три года. Сказать, что мужчина не испытывал к нему никаких чувств, было бы ложью.

Но...

Он провёл рукой по волосам Цзи Хаоюя с нежностью, словно они были близки, как прежде.

— Это не повод делать из меня любовника. И кроме того... — Гу Чжэнцин произнёс с жестокой прямоотой, — ты не первый Альфа в моей постели. И не единственный.

Слова, словно тысячи стрел, пронзили сердце молодого человека. Его глаза покраснели от обиды.

Гу Чжэнцин высвободил руку.

— Будь умницей. Жизнь длинная. Иди и борись за своё наследство, вот твой истинный путь.

Он закатал испачканный рукав рубашки, застегнул пуговицу, поправил галстук и снова надел пиджак. Теперь, когда между ними всё было кончено, он не мог позволить себе раздеваться в присутствии бывшего любовника.

Это было бы уже верхом неприличия, не так ли?

Гу Чжэнцин всегда был человеком принципов.

Его длинные пальцы легли на яркую латунную ручку двери. За спиной раздался срывающийся на слёзы голос:

— Брат Цин, ты... ты любил меня?

Дверь приоткрылась, впуская в комнату полосу света из коридора, смешавшегося с сиянием люстры.

Он не обернулся, но ответил:

— Никто из тех, кто был со мной раньше, не задерживался дольше года.

Цзи Хаоюй пробыл с ним три года.

Дверь открылась и закрылась. В тот миг, когда их пути разошлись, Гу Чжэнцин услышал

сдавленные рыдания и тихое «прости».

Он замер на мгновение, лишь на одно мгновение. Затем спустился вниз, извинился перед семьёй Цзи и покинул помолвку раньше времени.

Чёрный «Роллс-Ройс» бесшумно скользил по дороге, ведущей с горы. Гу Чжэнцин прикрыл глаза, притворившись спящим. Рука с чётко очерченными костяшками пальцев лежала на краю открытого окна. Пепел от сигареты уносило ветром.

Пробегающие огни скользили по его профилю, скрывая все эмоции в ночной темноте.

Нынешний глава семьи Цзи был женат четырежды, и от каждого брака у него были дети. Цзи Хаоюй был лишь одним из многих. Союз с семьёй Е гарантировал ему место следующего наследника. Его выбор был очевиден и понятен. Окажись Гу Чжэнцин на его месте, он поступил бы так же.

Он — Бета. Отношения с ним лишали Хаоюя даже шанса на борьбу. Их связь приходилось скрывать, она с самого начала была обречена. Именно поэтому Гу Чжэнцин никогда не афишировал этот роман.

Такой исход был предreshён, и он был к нему готов. Люди считали его холодным и бесчувственным, но он, в конце концов, не был из камня.

Годы шли, люди приходили и уходили. Кто-то искал его покровительства, кто-то — его денег. Иногда всё это казалось донельзя скучным.

***

Последние несколько лет Гу Чжэнцин редко бывал в клубах. Когда Лоу Кэ по привычке спросил, не хочет ли он присоединиться, тот ответил тремя словами: «Пришли свою локацию».

[Лоу Кэ: ???]

Новость о том, что господин Гу, который почти три года вёл затворнический образ жизни, решил вернуться в свет, разнеслась со скоростью ветра.

Когда Гу Чжэнцин припарковал машину у входа в клуб, он даже не успел бросить ключи парковщику. Со всех сторон с громкими криками к нему ринулась толпа.

Раздались хлопки, и в воздух взмыли фейерверки.

Прямо перед ним с шумом развернули огромный красный транспарант:

[Горячо приветствуем возвращение господина Гу на тропу войны!]

Гу Чжэнцин:

«...Захотелось развернуться и уехать»

Тёмный костюм покрылся разноцветным конфетти. Мужчина стянул с себя пиджак. Мелкие блёстки запутались в его волосах, переливаясь в свете фонарей и придавая ему ещё более ослепительный вид.

— Такая помпа, не слишком ли?

Возбуждённое сердце Лоу Кэ готово было выпрыгнуть из груди. Он со слезами на глазах обнял друга за плечи:

— В самый раз! Я уж боялся, что ты за эти три года совсем зачахнешь.

Это была целая история, полная горьких слёз. Когда-то они вдвоём были королями ночной жизни, как же весело было! А потом товарищ отошёл от дел, оставив его в одиночестве.

Остальные, развеселённые шуткой друга, дружно рассмеялись и закивали.

Гу Чжэнцин окинул взглядом собравшихся. Некоторых он знал по прошлым гулянкам, с другими был лишь шапочно знаком, но никогда не проводил время в узком кругу.

Ключи от машины всё ещё были у него в руке. Лоу Кэ выхватил их и бросил парковщику, после чего повёл всю компанию внутрь.

Снаружи — звёздная ночь, стрекот цикад, тишина и покой. Внутри — море огней, шум и веселье. Два разных мира.

Переступив порог, Гу Чжэнцин ощутил, как по телу разливается пьянящее чувство свободы, словно дикий конь, сбросивший узду.

Цзи Хаоюй был ревнив и капризен. Поскольку они вращались в одном кругу, Гу Чжэнцин последние годы потакал ему и старался избегать подобных мест. Конечно, возможность выпить с друзьями у него была, но то время и нынешнее — две большие разницы. Теперь он был свободен.

Впрочем, сегодня он приехал просто встретиться с друзьями. Желания найти себе компанию на ночь у него не было. Когда такое желание появится — пока неизвестно.

Приглушённый свет создавал интимную атмосферу. Гу Чжэнцин, с пиджаком, перекинутым через руку, и другой рукой в кармане брюк, небрежно осматривал красавцев всех мастей на первом этаже.

Настроения не было, но это не мешало ему наслаждаться зрелищем.

Альфы, Беты, Омеги — на любой вкус: милые и очаровательные, сексуальные и соблазнительные, мускулистые мачо. Глаза разбегались.

Мир свободы.

Первый этаж клуба был попроще. Чтобы подняться выше, требовалось членство, а ежегодные взносы и минимальные траты были весьма внушительными. Некоторые карты выдавались только с учётом статуса и положения в обществе. Поэтому на первом этаже были и те, кто пришёл искренне повеселиться, и те, кто надеялся поймать удачу за хвост.

Компания, появившаяся с улицы, выделялась и одеждой, и манерами. Они явно не собирались задерживаться на первом этаже. Те, кто искоса наблюдал за ними, невольно выпрямились.

Кто-то с деланной непринуждённостью поднял бокал, кто-то слегка повернулся, пытаясь предстать перед гостями в самом выгодном свете.

Оба друга были здесь не впервые и прекрасно понимали их мотивы. Для них эти нарочитые ужимки были не более чем забавным спектаклем.

Желая разжечь в Гу Чжэнцине азарт, Лоу Кэ намеренно замедлил шаг. Тот, поняв замысел, тоже пошёл медленнее.

Есть люди, которые рождены притягивать взгляды. Гу Чжэнцин был одним из них. Но в этот момент он увидел другого.

До сих пор ему казалось, что сегодня здесь немало красивых людей. Но стоило ему увидеть фигуру, стоящую боком у барной стойки, как он отчётливо понял, что сравнение было явно не в пользу последних.

В отличие от тщательно продуманных нарядов остальных, этот парень был одет просто: белоснежная футболка и белые брюки с небрежной чёрной полосой по боковому шву. Чистый, свежий студенческий стиль.

Его осанка была прямой, как у сосны. Гу Чжэнцин видел — это не позёрство, он всегда так держится. Ростом, навскидку, около метра девяноста, он возвышался над окружающими, как журавль в стае кур.

Профиль, талия, длинные прямые ноги — всё в нём заставляло мужчину смотреть, не отрываясь. Будь он картиной на аукционе, Гу Чжэнцин, вероятно, купил бы её, повесил дома в раму и, закулив сигарету, долго бы любовался.

Ему нравились люди с чистой, свежей внешностью. Однажды один из его любовников, желая угодить, сделал татуировку на теле с надписью «Очень люблю брата Цина». В тот же день Гу Чжэнцин порвал с ним. Перед расставанием он заставил его свести эти четыре иероглифа. Он ненавидел, когда его имя оставалось на чужом теле.

Возможно, он смотрел слишком пристально. Парень почувствовал его взгляд и обернулся. Только тогда Гу Чжэнцин заметил чёрную сумку на его левом плече.

Привлекло его не сама сумка, а брелок на ней.

Маленький, с ладонь, плюшевый мишка, милый-милый, одетый в небесно-голубой вязаный костюмчик.

У мужчины вдруг запершило в горле. Этот мишка... был очень в его вкусе.

Лоу Кэ не заметил, куда смотрит друг. Опасаясь, что не все знают о «подвигах» Гу Чжэнцина, он решил просветить окружающих:

— Знаете? Для нашего господина Гу отношения — это как контактные линзы.

Кто-то спросил:

— В смысле?

Собеседник усмехнулся:

— Есть однодневные, месячные, квартальные. Самые долгие — годовые.

Они уже прошли мимо того парня, и Гу Чжэнцин отвёл взгляд.

Его прошлые «достижения» стали предметом шутки, но выражение его лица не изменилось. Напротив, он улыбнулся:

— Я ведь к каждому разу отношусь серьёзно. Жаль только, что бог брака помнит подкидывать мне красные нити, но забывает выбрать одну и завязать на ней узел.

Тот расхохотался:

— Не волнуйся, не волнуйся, братан, я всё устроил. Сейчас будешь выбирать. Первый выход господина Гу в свет после долгого перерыва — я гарантирую, ты останешься доволен.

Компания вошла в лифт. Двери медленно закрывались. Гу Чжэнцин, продолжая разговор, вдруг замер, посмотрев прямо перед собой.

Мишка на сумке слегка покачивался. Парень в белой футболке смотрел в их сторону. Мужчина позволил себе немного самолюбия: он был уверен, что тот смотрит именно на него.

Гу Чжэнцин и так всегда был в центре внимания, словно под светом софитов. Когда он замолчал, остальные тоже проследили за его взглядом.

Лоу Кэ удивлённо присвистнул:

— А этот парень неплох!

Не успел он договорить, как двери лифта плавно сомкнулись.

<http://bllate.org/book/16010/1506537>